

Доктор Фред Патнэм, Псалмы, лекция 2

© 2024 Фред Патнэм и Тед Хильдебрандт

Это доктор Фред Патнэм читает вторую из четырех лекций по книге Псалмов. Доктор Фред Патнэм.

В нашей первой лекции вы, наверное, заметили, что я несколько раз использовал слово «поэма» попеременно со словом «псалм» и даже говорил о библейских поэтах.

В наши дни это большой вопрос. Вероятно, последние 25 лет ведутся споры о том, действительно ли в Библии есть поэзия. И поскольку я думаю, что это имеет очень большое значение для того, как мы читаем Псалмы, а также другие поэтические отрывки, я хотел бы немного обсудить это и поговорить, прежде всего, о том, что мы подразумеваем под поэзией? А во-вторых, действительно ли поэтичны Псалмы и другие библейские отрывки? И наконец, спросите, каковы некоторые последствия этого? Итак, первый вопрос: что такое поэзия? Ну, вы можете определить это примерно так же многими способами, как и писатели.

Роберт Фрост, например, сказал, что хороший читатель великого стихотворения знает, как только он его прочитает, что он получил бессмертную рану, которую никогда не залечит. Эмили Дикинсон сказала, что вы спрашиваете меня, что такое стихотворение или откуда мне знать, что это поэзия? Я отвечаю, что если у меня такое чувство, будто мне оторвали макушку, или если мне так холодно, что никакой огонь не может меня согреть, я знаю, что это поэзия. Есть ли другой путь? И есть много других подобных определений, которые, как вы заметили, подчеркивают эффект, который стихотворение или текст оказывают на читателя.

Это своего рода один из подходов к определению стихотворения. У меня такое ощущение, что это стихотворение, значит, это стихотворение. Второй способ определить это — спросить о намерениях автора.

Итак, мы читаем некоторые стихи, я думаю, чаще всего в современной поэзии, вероятно, со времен новой критики Т. С. Элиота, со времен Второй, со времен Первой мировой войны. И они просто кажутся переработанной прозой. Поэтому на странице это выглядит немного иначе.

На самом деле, есть известный диктор бейсбола. Я из Новой Англии, поэтому не болею за Янкиз. Но «Ред Сокс» мне больше по скорости.

Но Фил Риццутто был комментатором, комментатором игры в «Нью-Йорк Янкиз». А около 10 лет назад двое мужчин взяли стенограммы его

комментариев к пьесам, вырезали небольшие фрагменты, переставили их на странице и продали как сборник стихов. Фил Риццуто не говорил стихами, у него не было намерения создавать стихи, быть поэтом или кем-то еще.

Итак, вопрос в том, делает ли это их стихотворением? Если кто-то говорит: «Это стихотворение», делает ли это его таковым? Итак, второй момент, или второй подход, это замысел автора. Если автор говорит, что это стихотворение, неважно, что мы о нем думаем. Во-первых, как это влияет на нас? Третий, третий способ определения поэзии, который пытается быть немного более нейтральным и, возможно, научным, если это слово следует применять к поэзии, говорит, что мы узнаем стихотворение, потому что оно использует риторические приемы, мы поговорим об этом. чуть позже они используются во всех языках, но в поэзии они используются очень часто.

Итак, поэзия — это сжатый язык. Это язык, в котором каждое слово выбирается не только по тому, что оно означает, но и по тому, что оно предполагает, по тому, как оно звучит, по тому, как оно сочетается с другими словами, возможно, по тому, как оно соответствует настроению стихотворения, так что в каждой точке в стихотворении, автор выбирает, какое слово сюда лучше всего подойдет. На самом деле, очень интересный эксперимент — зайти в Интернет, есть сайт, посвященный поэзии Уилфреда Оуэна, английского поэта времен Первой мировой войны.

И когда читаешь его стихи, кажется, что он такой, какой он есть, проза как бы переработана, отдельные кусочки звучат как-то поэтично, но это просто звучит как абзацы, которые немного нарезали и нарезали кубиками. Но когда смотришь на рукописи, а на сайте действительно есть фотографии его рукописей, то понимаешь, что он писал строки, зачеркивал их, причем некоторые строки он писал по три, четыре, пять, шесть раз, так что хоть это и звучит как он просто пишет прозу, и он явно изо всех сил пытается найти правильное слово в каждом месте. И вот, когда мы смотрим на то, как он подбирает слова, и видим, насколько плотно он упаковал свои сочинения, мы понимаем, да, это такие стихи, какими не являются даже поэтически звучащие тексты.

Итак, некоторые люди сказали бы, что конец второй инаугурационной речи Авраама Линкольна, где он говорит, с милосердием ко всем, со злобой ни к кому, с решимостью поступать правильно, поскольку Бог дает нам силу увидеть правду, или Уинстон Черчилль, нечего предложить, кроме крови, пота и слез, или мы будем сражаться с ними на пляжах, мы будем сражаться с ними в переулках, мы будем сражаться с ними в деревнях. Это поэзия? Ну, это, конечно, звучит очень поэтично, но стихи писать они не собираются. И произведение в целом, вся речь, или все эссе, или что бы то ни было еще не является стихотворением.

Оно не представлено как одно и не написано как одно. Итак, мы на самом деле обнаруживаем взаимодействие трех факторов. Одним из них является воздействие на читателя, одним — намерение автора, а третьим — способ использования самого языка.

Фактически, Роман Якобсон, известный литературный критик и структурный философ, говорил о поэзии или поэтической функции языка, как он сказал, седьмой функции, он выделил семь основных функций языка — передавать знания, мотивировать кого-то, сделать что-то, заставить кого-то почувствовать определенные чувства и так далее. Но он сказал, что поэтическая функция заключается в сосредоточении внимания на языке ради него самого, так что поэт выбирает слово гораздо более сознательно, чем тот, кто пишет статью. Я знаю, что мы все сознательно выбираем слова, это правда, и Якобсон тоже это знал.

Он не говорит об этом, он не имеет в виду, что только поэты тщательно выбирают слова, но в поэзии значение этого выбора возрастает и становится гораздо более важным. И мы должны помнить, что значение заключается не только в том, что означает это слово или что означает фраза или предложение, но и в том, что оно означает, то есть, какие другие ассоциации возникают из-за того, что он использовал это слово. Позвольте мне привести вам быстрый пример.

Если кто-то приглашает вас к себе или если вы приглашаете кого-то к себе домой на ужин, вы можете сказать: почему бы вам не зайти к нам? Или вы могли бы сказать: «Эй, заходи и посетите наш новый замок». Или вы могли бы сказать: ну, это что-то вроде лачуги, но все равно пожалуйста. Итак, место, замок и лачуга — это три совершенно разных слова с тремя совершенно разными ассоциациями.

Вероятно, когда вы говорите это, если вы используете слово «замок», человек, с которым вы разговариваете, думает, что вы шутите, и он знает, что вы не живете в месте, построенном из камня и окруженном рвом. с драконами, подземельями и всем этим. Но они понимают, что вы только что купили, может быть, большой новый дом. Вы гордитесь этим.

Вы в восторге от этого или вы что-то изменили. Но если вы скажете «моя лачуга», то для большинства из нас это, конечно, не будет иметь очень позитивного подтекста. Думаем, нужно ли мне брать с собой салфетки Sani? Или мне нужно, осмелюсь ли я пойти сюда? Хочу ли я есть что-нибудь, что подает этот человек? А вот термин «место» весьма безобиден.

На самом деле это не имеет большого значения. Вероятно, у него меньше всего ассоциаций, меньше всего ассоциаций. И поэтому поэты постоянно подбирают слова для своих ассоциаций.

Позвольте мне прочитать вам очень короткое стихотворение. Это написано христианской поэтессой XIX века Кристиной Россетти. Это четыре строки.

Это из книги «Sing Song», сборника детских стихов, которые она написала. Что такое тяжелые? Морской песок и печаль. Что такое краткие? Сегодня и завтра.

Что такое хрупкие? Весеннее цветение и молодость. Что такое глубокие? Океан и истина Кристины Россетти. Что она сделала? Ну, во-первых, для меня это не совсем похоже на стихотворение для детей или, может быть, для очень вдумчивых детей или детей, которых вы хотите, чтобы они были вдумчивыми.

Она сделала много вещей. Во-первых, каждая строка имеет один и тот же рисунок, вопрос и ответ. В каждом ответе один и тот же образец, два разных существительных.

Каждая строка начинается с одних и тех же двух слов, что есть. Там рифма, печаль, завтрашний день, молодость и правда. Есть метр, какие тяжелые? Морской песок и печаль.

Что такое краткие? Сегодня и завтра и так далее. И есть такие изображения. Обратите внимание: морской песок — это физическая вещь.

Правда нет. Сегодня мы знаем, что сегодняшний день существует, потому что мы здесь. Мы ничего не знаем о завтрашнем дне.

Весенние цветы — это физические вещи. Молодости нет, это качество. Океан также является физической вещью.

Правда нет. И она соединила все эти вещи вместе. Звук, то, что мы называем анафорой, то есть когда несколько строк начинаются с одного и того же слова или выражения, повторение другими словами, шаблон, вопрос с ответом из двух слов, размер, образ.

Она собрала все это вместе, чтобы взять очень простую идею и заставить ее найти гораздо более глубокий отклик, чем если бы она просто сказала что-то вроде: «Знаете, горе может быть очень трудным». Жизнь коротка и на самом деле хрупка, как молодежь. А океан действительно глубокий.

Я имею в виду, что истина действительно глубока. Могла ли она сказать: какая разница? Ну, разница в том, что структура языка, его сжатие, образы, которые

она использует, превращают его из серии довольно банальных или даже банальных утверждений в образ мышления, который влияет на нас и общается гораздо глубже, чем любой другой способ мышления. четырехточечный контур имел бы. Вот еще один пример.

Мы говорим о разнице между поэзией и прозой. Если мы обратимся к книге Судей, то в четвертой и пятой книге Судей мы найдем очень знакомые отрывки. Судьи четыре — это история Деворы и Варака и войны с Цицероном или Явином, царем Ханаана, и Цицероном, его полководцем.

А в пятой главе у нас есть стихотворение о том же происшествии, песня, которую в тот день пели Девора и Варак. Я просто прочитаю пару стихов из этих двух глав и посмотрю, сможете ли вы отличить, где стихотворение, а где прозаическое повествование. Это когда Цицерон, генерал, бежал из армии, спасая свою жизнь, он видит палатку, идет к женщине по имени Яэль и просит ее помочь защитить его.

Итак, это начинается в Судьях 4.18. Он повернулся к ней в шатер. Она накрыла его какой-то тканью, ковриком, одеялом или чем-то еще. И он сказал ей: пожалуйста, дай мне немного воды, потому что я хочу пить.

Итак, она открыла контейнер с молоком и напоила его, а затем накрыла его. И он сказал ей: стань у входа в шатер, и если кто-нибудь придет и спросит тебя и скажет, есть ли здесь кто-нибудь, кому ты откажешь, но жена Яэля Хевера взяла колышек от палатки, вложила в руку молоток и пошла тайно к нему и вбил колышек ему в висок, и он вошел в землю, потому что он крепко спал и был изнурен. Итак, он умер.

Это один аккаунт. Вот другой аккаунт. Самая благословенная из женщин — Яэль, жена Хевера Хананеянина.

Блаженнейшая из женщин в шатре. Он попросил воды. Она дала ему молока.

В великолепной миске она принесла ему творог. Она протянула руку к колышку палатки, а правой рукой взяла молоток рабочего. Затем она ударила Цицерона.

Она разбила ему голову. Она разбилась и пронзила его висок. Между ее ног он склонился, упал, лег.

Между ее ног он поклонился и упал. Где он поклонился, там он пал, уничтоженный. Они звучат не совсем одинаково, не так ли? Опишите один и тот же инцидент, но два совершенно разных способа мышления о том, что происходит.

Итак, мы говорим: ну, как их называть? И люди, которые спорят о том, есть ли в Библии поэзия, хотят сказать: ну, во-вторых, мы назовем этот высокий язык. Что ж, если вы собираетесь дать этому термин, высокий язык — это то же самое, что мы можем назвать это стихотворением, потому что оно определенно звучит намного более поэтично или, по крайней мере, имеет некоторые из тех же характеристик поэзии. Это сжатие, это использование образов, это, на иврите, это повторение, что очень стандартно, как мы увидим, очень нормально для библейской поэзии.

И все же мы можем спросить: а какая из них является более точной картиной того, что произошло? Конечно, повествование рассказывает нам реальную историю, а стихотворение просто дает нам ее художественную интерпретацию. И вы знаете, я думаю, что иногда это одно из наших колебаний по поводу того, что в Библии есть поэзия, потому что мы слышим слово «поэтическая вольность» или Шекспир, который говорит, и его персонаж несколько раз говорит: «Все поэты — лжецы». . И у нас есть хитрое подозрение, что поэты на самом деле поступают не совсем честно.

Нам нужны факты, как и Драгнету. Но когда мы посмотрим на них, если мы прочитаем всю книгу Судей 4 и всю книгу Судей 5 и выделим то, что у них общего, у них вряд ли будет что-то общее. Это реальные заявления.

Большинство из того, что у них общего, — это имена собственные, места и такие вещи, как артикль, the, или a, или an, или что-то в английских переводах. Очень немногие инциденты описаны одинаково или даже описаны в одном и полностью исключены из другого. Итак, в конце пятой главы стихотворения у нас есть история о матери Цезаря, которая задается вопросом, где ее сын, и о ее слуге, который говорит: «Ой, не надо», служанка говорит: «Не волнуйся, он вернется и он принесет с собой много добычи и добычи, и тогда мы получим на выбор все, что захотим.

Ну, этого вообще нет в четвертой главе. Это действительно произошло? Или Дебора и Барак просто помирились? Ну, во-первых, мы говорим, что можем доверять Библии. Итак, мы предполагаем, что если они описывают это, то Господь открыл им это, или они схватили хананея, и он сказал: да, вероятно, это то, что происходит прямо сейчас во дворце, или что-то в этом роде.

Однако они получили свою информацию, мы не можем знать, но говорим: ладно, да, собираемся, такое было. Но разница между этими двумя историями, Рэй, какая из них более точная или какая рассказывает нам о том, что произошло на самом деле? На самом деле, ответ в том, что они оба так делают. Просто на одни и те же события они смотрят по-разному.

Это не справедливое сравнение. Хорошо. Поэтому, пожалуйста, не поймите неправильно то, что я собираюсь сказать, но есть разница между кем-то, кто пишет учебник истории о Реформации, и студентом, изучающим учебник, и тем же студентом, который смотрит фильм «Мартин Лютер».

Теперь фильм сообщает некоторые из тех же вещей. Теперь, конечно, я понимаю, что в кино есть лицензия, художественная лицензия, и вот что заставляет нас нервничать и по поводу поэзии. То же самое, да? Ну, этому нельзя доверять.

И ты прав. Все в фильме, даже говорят, что кое-что из этого выдумано. Это фиктивно.

Разговоры выдуманы. Мы не можем этому доверять. Учебник коммуницирует одним способом.

Его цель — передать объем информации X, Y и Z в как можно меньшем количестве слов, чтобы издатель учебников мог заработать как можно больше денег на каждой книге, верно? Кратко, но со всей информацией. Итак, у студента есть все, что ему нужно, чтобы сдать тест, получить высшее образование, устроиться на работу и так далее. Фильм сделан так, что вы просидите весь фильм, а не выйдете из кинотеатра и не попросите вернуть деньги.

Вам захочется это посмотреть, и вы получите от этого удовольствие. И ты собираешься уйти, возможно, даже думая о том, что произошло. Учебник на самом деле не заботится о том, как вы себя чувствуете.

Цель учебника – вам нужна эта информация. Я собираюсь отдать это тебе. В фильме говорится, что я собираюсь вас развлечь.

Судьи 4 говорят: хорошо, вот отчет о битве. Основное внимание уделяется роли Барака и его послушанию или его нерешительности повиноваться, а также роли Яэль. Вот стихотворение о том же бою.

В центре внимания стихотворения находится то, как колена Израиля присоединились или не присоединились к войне. Итак, есть длинный каталог, в котором говорится, что они пришли от Ефрема. Бенджамина спустился.

Но потом продолжает и говорит: подожди секунду, Рубен не пришел. Колена Галаада остались по другую сторону Иордана. Дэн остался там, где они были.

Ашер остался там, где они были. Но Завулон и Неффалим рисковали своей жизнью. Об этом не ведется никакого учета.

Все, что вы прочитали в четвертой главе, это то, что Варак поднялся на гору Гильбоа и гору Фавор, и все эти люди пришли за ним. Это все, что здесь сказано. Точно так же в пятой главе мы находим то, что сами звезды сражались с неба.

Теперь, в четвертой главе, говорится, что Господь разгромил Цезаря, его колесницы и его армию острием меча перед Вараком. И Цезарь слез с колесницы своей и побежал. Но мы видим, что колесницы израильтян, что на самом деле представляет собой довольно небольшой ручей, вышли из берегов, замутили землю, так что все эти колесницы, эти 500 железных колесниц, увязли и уже не представляли собой преимущества. , но на самом деле это был недостаток для хананеев.

Если они рассчитывали использовать свои колесницы, чтобы сокрушить пехоту израильтян, то внезапно их преимущество исчезло. Итак, их стратегия битвы разваливается. А Цезарь, будучи умным полководцем, высматривает, понимает, что это катастрофа, и бежит, спасая свою жизнь.

Но мы не получаем этого из прозы. Итак, поэт, певцы, певцы, Девора и Барак, дают нам представление о своем опыте этих событий, которое сильно отличается от точки зрения автора остальной части Книги Судей. И эти два аккаунта дополняют друг друга.

Они работают вместе и действуют на нас по-разному. Это указывает на другой аспект поэзии. И это стихотворение, эта теория возникла примерно 600 лет назад, когда сэр Филип Сидни защищал поэзию.

Он сказал, что поэты на самом деле создают золотой мир. Он сказал: знаете, если вы математик, астроном или химик, у вас нет выбора. Вам придется работать с тем, что у вас есть.

Вы не можете создать звезды, химические вещества, элементы или что-то еще. Вам просто нужно работать с тем, что есть. Но как поэт он может создать золотой мир.

И стихотворение затем приглашает читателя войти в этот мир, созданный поэтом. Теперь поэт знает, что это не вся вселенная. Это другой, это отдельный мир.

Таким образом, стихи передают истину, но они передают истину иным способом, чем пояснительная проза или логический смысл наборов предложений. Чтобы ни одно стихотворение никогда не пыталось сказать всю правду. Знаете, мы читаем псалом и через несколько минут рассмотрим это несколько подробнее.

Но если мы прочитаем псалом, подобный Псалму 121, я подниму очи свои к горам, откуда придет моя надежда? И т. д. Легко будет отойти от того псалма, думая про себя, это обещает, что никогда ничего плохого не случится ни с кем, кто принадлежит Господу. Потому что он так говорит.

Тот, Кто хранит тебя, не позволит ноге твоей поскользнуться. Он не будет спать. Он твоя тень на твоей правой руке.

Он защитит тебя от всякого зла. Он сохранит твою душу, охранит тебя на выходе. Ты придешь отныне и навсегда.

И похоже, что ничего плохого не может случиться с каждым, кто принадлежит Господу. Но поэт не намерен описывать всю теологию. Он работает всего в восьми куплетах или 15 строках.

Итак, он не пытается охватить все. Вместо этого, говорит он, давайте подумаем об отношениях между Господом и Его народом таким образом. Да, все эти вещи существуют.

Вы правы, все эти вещи существуют. И есть масса псалмов, в которых говорится о происходящих бедах. Я имею в виду, что нет никакой причины просить Господа спасти вас от катастрофы, если вы не находитесь в эпицентре катастрофы.

Или поэт говорит: «Вода дошла мне до шеи, вода чуть не унесла меня и т. д. Ну, его не волнуют эти вещи. Ему хочется подумать о том, что значит думать о Боге как о страже? Что это означает, когда мы рассматриваем роль Бога в защите и сохранении нас? На что это похоже? И вот о чем он медитирует.

Итак, нам придется читать очень внимательно. Затем нам нужно читать, пытаюсь найти все способы, которыми поэт сжал свое стихотворение или сжал свое послание, и как он наполнил это стихотворение смыслом. Но в то же время мы должны быть осторожны и не предполагать, что стихотворение пытается рассказать нам все о чем угодно.

Вместо этого, как я сказал в первой лекции, он играет с каким-то аспектом реальности, Господом, нашими отношениями с Ним, миром, нашими отношениями с другими, что-то в этом роде. Итак, когда мы думаем о поэзии на английском языке, а я на мгновение использую английский, потому что только что во время преподавания я обнаружил, что если вы начнете говорить о поэзии с библейскими стихами, всем захочется спорить с теологией. Они не хотят говорить о поэзии.

Итак, я бы предпочел сначала поговорить о стихотворении, а затем мы сможем поговорить о том, что оно на самом деле означает. Но подумайте об английском языке. Мы узнаем стихотворение, потому что оно имеет ритм и рифму, по его расположению на странице, по его разбитости на строфы.

Предложения могут быть, но предложения не заканчиваются в конце строки. Они могли бы продолжать идти. Итак, всякие дела.

В библейской поэзии действительно нет никакого ритма. Люди постоянно спорят об этом, но на самом деле в английском языке нет ритма. Здесь нет рифмы.

Один или два раза встречаются места, где встречаются слова, оканчивающиеся на один и тот же звук, но очень, очень необычно видеть в этом какую-либо закономерность. Там действительно нет строф. То есть, когда вы покупаете сборник стихов, там есть пустые строки, и поэтому может быть восемь строк, и пустая строка, и восемь строк, и пустая строка.

Я имею в виду, вы увидите их в своей английской Библии, но это решение редактора. В имеющихся у нас рукописях этого не делается. Вот только либо переводчик и редактор, либо в некоторых случаях редакторы еврейской Библии, а переводчики как раз и следуют этому.

И мы обнаруживаем, что в библейской поэзии строчные предложения, как правило, не переходят от одной строки к другой, а продолжают вниз по странице. Каждая строка имеет тенденцию быть отдельным пунктом или отдельным предложением. Есть несколько исключений, но, как правило, это правда.

Так что это довольно большие различия между английской и библейской поэзией. Но в то же время основное сходство делает их обоих поэтичными. Сжатие, идея, что язык, используемые слова выбраны очень сознательно.

Почти мы могли бы говорить о манипулируемом языке. Мне это не нравится. Это слово заставляет людей нервничать при мысли о том, что Библия такая.

Но слова были выбраны, и язык используется весьма поразительно. Знаете, интересно, что если вы изучаете иврит, или, может быть, мне следует сказать так, когда вы изучаете иврит, вы можете мыслить категориями чтения библейских историй. И к середине, к концу вашего первого семестра, даже к середине вашего первого семестра, вы сможете начать работать над историей об Иосифе или Аврааме или о чем-то еще.

Но потом вы спрашиваете себя: почему это так весело? Думаю, я прочитаю псалом. И ты обращаешься к книге Псалмов, и это как будто другой язык.

Внезапно того, что должно быть, там нет. И вещи, которые там есть, выглядят и звучат не совсем так, как должны. А знаете ли вы, что если вы откроете Британскую энциклопедию и увидите статью о поэзии, там будет сказано: «Поэзия — это еще один вариант использования языка».

А некоторые критики даже говорят о поэтическом языке как о собственном языке внутри языка своей культуры. Итак, есть английский язык, а есть язык английской поэзии. И под этим они подразумевают не просто выбор слов, например, использование «до того, как я тебя увидел», или слов, которые звучат архаично, или старо, или часто накануне, что-то в этом роде.

Они не это имеют в виду. Они означают, что весь способ использования языка, организации мыслей, организации предложений, соединения изображений отличается от того, что мы находим в книгах по истории, философии или органической химии. Итак, поэзия на самом деле — это совсем другой язык, потому что это язык, которым сознательно манипулируют, который застенчив со стороны поэта.

И мы также находим в обоих кое-что общее, так что то, что называется «паритетом» амасии, или мы думаем о них как об игре слов, но используя слова, которые звучат одинаково, или используя звуки, которые отражают друг друга, английская поэзия делает это часто. . Вот что такое рифма, да? Горе и завтра, молодость и правда. Еврейская поэзия делает то же самое.

Конечно, мы теряем это при переводе. Это только стоимость перевода. В обоих случаях много повторов.

Это довольно распространенное явление. И оба они организованы построчно. Таким образом, даже в английской поэзии, где предложение выходит за рамки, возникает вопрос: почему предложение выходит за рамки? Почему это останавливается и начинается? Один вопрос: почему это останавливается и начинается там, где это происходит? И оба они очень сильно полагаются на образы.

На самом деле, есть чудесная книжка женщины по имени Молли Пикок под названием «Как прочитать стихотворение и организовать поэтический кружок». Круг чтения поэзии, я не уверен в подзаголовке, в котором она говорит, что это очень полезный ключ, когда мы боремся со стихотворением и пытаемся понять, о чем оно говорит, она на самом деле говорит это. В разных местах своей книги она говорит три разные вещи.

Однажды она говорит, что нужно просто просмотреть стихотворение и перечислить все существительные, написать список всех существительных по порядку в стихотворении. Сделайте это когда-нибудь для псалма. Я думаю, вы будете очень удивлены.

Другое дело — перечислить все глаголы в стихотворении, потому что глаголы говорят нам, что происходит. И так, существительные говорят нам, о чем идет речь. Глаголы говорят нам, что происходит.

Перечислите все глаголы. И опять же, иногда помогут какие-то стихи, существительные, какие-то стихи, помогут глаголы. И затем третье, что она говорит, — это просмотреть стихотворение и перечислить все образы, которые есть в стихотворении.

И главное — перечислить их по порядку, потому что именно так расположил их поэт. И поэтому мы продумываем стихотворение с точки зрения его или ее существительных, его или ее глаголов, его или ее образов, потому что именно так происходит связь. Вот как на самом деле работает логика стихотворения.

Потому что именно это мы имеем в виду, когда говорим о самосознательном языке. И на самом деле, поэзия в Библии столь же застенчива. Теперь некоторые из вас, я почти слышу это прямо через камеру, говорят: «Ой, подождите секундочку, это станет техническим».

Вы собираетесь начать использовать такие слова, как синекдоха и метафора, сравнение и анафора и тому подобное, не так ли? Ну да, некоторые из них. Но что значит использовать технический язык? Если вы смотрите Суперкубок и комментатор говорит: «О, они используют, о, это была ничья с квотербеком», это технический язык, не так ли? Или если вы смотрите Олимпиаду и там говорят, а здесь я не знаю, о чем говорю, двойной аксель. Я имею в виду, я знаю, что это означает, что они подпрыгнули в воздух и дважды обошли вокруг, против двойного или чего-то еще.

Это технический язык, не так ли? И все же нас не пугают, когда дело касается спорта или даже музыки, возможно, в зависимости от того, чем вы интересуетесь. И так, мы можем сказать, что адажио было слишком медленным, или форте было слишком мягким, или фортиссимо было достаточно громким, большое спасибо. И мы используем язык, который помогает нам понять, о чем мы говорим.

Это дает нам общий язык, откуда и берутся жаргонизмы и инсайдерские разговоры. У нас есть потребность сообщать вещи, не используя всех слов, которые нам нужны, чтобы объяснить это кому-то другому. Нам нужно придумать, как выразить это вкратце.

Поэтому вместо того, чтобы говорить, что стихотворение «Тяжелая вода» начинается с четырех строк, каждая из которых начинается одинаково, мы можем просто сказать: «О, все стихотворение анафорично, оставьте слова, оставьте место». И мы точно знаем, о чем говорим, потому что, когда я говорю, что каждая строка начинается одинаково, вы можете сказать: ну, означает ли это, что они начинаются с заглавной буквы? Означает ли это, что они начинаются с одного и того же слова, одной и той же фразы? Что ж, анафора говорит нам, что мы говорим об одном и том же выражении. Конечно, мы используем технический язык, но именно так мы изучаем что угодно.

И на самом деле, технический язык дает нам возможность думать даже о библейских стихах так, как мы, возможно, никогда раньше о них не думали. Итак, мы понимаем, что в таком псалме, как Псалом 113, который снова анафоричен, хвалите Яхве, хвалите рабов Яхве, хвалите имя Яхве, снова начинается с того же самого. И тогда мы должны задать себе вопрос: о, это анафора.

Зачем поэту это удалось? Какова цель этого? Какова его функция по отношению к смыслу стихотворения? Как это на самом деле работает? Вы, наверное, уже заметили, что отчасти я очень заинтересован в том, чтобы помочь нам, помочь себе, помочь вам научиться внимательно читать стихи. Думать о том, как заставить себя обратить внимание на то, что он говорит, думая о том, почему он говорит это именно так, как он это говорит и почему он использует именно этот метод. Т. С. Элиот в очень известном эссе о чтении стихов сказал, что мы сталкиваемся или как бы идем по канату.

С одной стороны, есть люди, которые однажды прочитали стихотворение и говорят, что у них осталось от него впечатление. И они говорят: о да, окей. В этом стихотворении речь идет о X, Y, Z. Итак, кто-то читает Псалом 23 и говорит: «О, это утешает».

И они уходят. Другой подход заключается в анализе всего, что можно проанализировать. Сколько слов в каждой строке? Сколько слогов в каждой строке? Сколько там строк? Почему, как это, перечисляя все существительные, все глаголы, все образы, и все анализируя и всему присваивая техническую метку.

Теперь Элиот указывает на проблему с обоими из них. Во-первых, случайное впечатление часто бывает ошибочным. Я могу сказать тебе; Я только что слышал много проповедей, в которых я мог сказать, что человек проповедует, основываясь на случайном впечатлении.

На самом деле они не изучали текст, но искали проповедь или послание. Итак, они прочитали что-то, и это заставило их задуматься о чем-то другом. Итак, затем они просто используют этот отрывок, этот Псалом, как трамплин для прыжков в воду и переходят к тому, о чем они действительно хотели поговорить.

И зачастую не имело ничего общего с самим Псалмом. Итак, мы можем неправильно прочитать текст, потому что недостаточно серьезно относимся к тексту. С другой стороны, мы можем подвергнуть текст нашему анализу до такой степени, что забудем, что читаем чужой текст.

И мы анализируем его таким образом, что он становится просто образцом, который можно прикрепить к доске и показать. Я довольно много лет был членом комитета по рукоположению от своей деноминации, и мы получали документы от студентов. И я помню статьи о Псалмах, написанные студентами, которые были явно очень способными, судя по их оценкам и даже по тому, что они говорили в газете, которые описывали все в Псалме, каждый поэтический аспект Псалма, который вы могли бы захотеть прокомментировать. Они были отмечены и снабжены аннотациями, обычно на иврите и английском языке, иногда даже на греческом, если они были действительно амбициозными.

Но потом они как бы забыли сказать вам, почему все это имеет значение. И даже иногда о чем было стихотворение, чтобы анализ становился концом. Квинтилиан, один из первых ораторов, римский оратор сказал: опасность застревать в анализе.

Т.С. Элиот говорит, что это одна проблема. С другой стороны, если мы читаем Священные Писания, мы хотим быть уверены, что мы действительно читаем то, что говорит Библия. Видите ли, одна из проблем, с которой мы с вами сталкиваемся, если мы ходим в церковь или даже на изучение Библии, в колледж или семинарию и изучаем теологию, религию или Библию, заключается в том, что мы слышали, как многие люди говорили нам: что означает Псалом 119, или о чем на самом деле идет речь в Иове 6, или о чем любой другой отрывок.

И вот когда мы подходим к тексту, мы уже почти не можем прочитать 1-й Псалом. Это все равно что надевать или снимать наши настоящие очки, надевать пару солнцезащитных очков, а затем надевать еще пару зеркальных солнцезащитных очков, а затем, может быть, какие-то забавные очки с выпадающими глазными яблоками и пытаться прочитать это. Это немного преувеличено.

Но мы позволяем всему мешать нам. Итак, мы читаем и слышим голос проповедника. Мы слышим голос комментатора.

Мы слышим голос даже бычьего сеанса в общежитии. Итак, одна из целей, одна из причин, а не целей, одна из мотиваций, причин стараться быть очень внимательным и читать и обращать внимание на все в стихотворении, заключается в том, что мне очень хочется прочитать Псалом 113. Я не Я не хочу уйти, оставив только впечатление.

И я не хочу просто читать то, что сказали все остальные. Возможно, они все правы. Это нормально.

Но поэзия предназначена для того, чтобы ее читали, чтобы о ней думали и играли в нашем сознании, точно так же, как поэт играет идеями, сочиняя стихотворение. Знаете, в нашем подходе к Священному Писанию, я думаю, очень часто мы сталкиваемся с идеей, что цель Библии – передавать информацию. И это, безусловно, правда.

Через Библию мы получаем много информации, которую не узнали бы другим способом. Кем, например, был отец Езекии? Никакого другого способа узнать это. Кем был его сын? Кто был его потомком? Что ж, хорошо, что у нас есть Библия и мы знаем подобные вещи.

Но нам нужно задать вопрос. Зачем Богу действовать в очень ограниченных рамках? Я имею в виду, что Библия — довольно большая Библия. Кроме того, это около 1600 страниц.

Что ж, у меня в библиотеке есть экземпляры Шекспира, в которых более чем в два раза больше страниц и гораздо меньший шрифт. Если бы я разобрал все сочинения Уинстона Черчилля, страниц было бы во много раз больше. Библия действительно представляет собой довольно небольшую книгу в масштабах мировой литературы.

Итак, нам, возможно, следует спросить себя, почему Бог решил использовать поэзию для одной трети этой книги, если его цель — общаться? Позвольте мне предположить, что причина в том, что поэзия передает некоторые вещи лучше, чем любой другой способ. И если это правда, то есть если использование поэзии является преднамеренным, вдохновленным Богом, что, поскольку это есть в Писании, я думаю, мы должны были бы сказать, тогда Бог использовал поэзию, чтобы общаться с нами. И опять же, не только в книге Псалмов, во всей Библии, вплоть до книги Откровения, на самом деле, потому что поэзия лучше всего говорит то, что он хотел сказать.

И, возможно, вот в этом важный смысл. Если поэзия — это еще один способ использования языка, а стихи — это еще один способ мышления о реальности, то нам нужно использовать и научиться использовать этот язык. Нам нужно

научиться использовать концептуальный язык, слова, образы и способы соединения вещей, которые мы находим в библейских стихах.

Итак, когда мы берём в руки книгу Псалмов, мы говорим: «Я не просто получаю утверждение о Боге, окей, Господь — царь, окей, я понял суть. Если это все, что он хотел сказать, то это все, что было бы. Но он не останавливается на этом одном предложении.

Вместо этого он продолжает 12, 13, 15 или 30 стихов, потому что хочет, чтобы мы подумали о том, что означает это утверждение. А когда мы говорим о технических аспектах поэзии, таких как анафора, Псалом 13, как долго, Господи, Ты будешь далеко от меня? Как долго ты будешь скрывать свое лицо? Как долго мне придется, как долго? Что ж, частью понимания любого стихотворения является оценка артистизма, с которым оно создано. Человек, который лучше всего ценит сонату Моцарта, — это человек, который действительно пытался играть на фортепиано, скрипке или на чем-то еще.

Человек, который лучше всего ценит ничью квотербека в Суперкубке, - это человек, который, возможно, хотя бы немного поиграл в футбол на День Благодарения со своей семьей. Лучше всего любое стихотворение оценит тот, кто понимает язык поэзии. Знаете, в Британской энциклопедии, и на этом я закончу, они цитируют этот факт, который настолько хорошо известен, что они даже не делают на него сноски.

Если вы попробуете этот эксперимент сами, выйдите на улицу любого города, рядом с которым вы живете, с двумя листками бумаги, на одном из которых написано короткое стихотворение, а на другом - короткий абзац. Остановите 10 человек и спросите пятерых из них, скажите: не могли бы вы прочитать это, не могли бы вы прочитать это стихотворение вслух? И после того, как они это сделают, попросите их прочитать этот абзац. Остальные пять человек просят их сначала прочитать абзац, а затем стихотворение.

И это все, что вы говорите. Не могли бы вы прочитать это стихотворение? Не могли бы вы прочитать этот абзац вслух? Не говорите ничего сверх этого. И вы говорите им, что проводите эксперимент.

Это то, что вы обнаружите более чем в 99 из 100 случаев. У человека, у которого, когда он узнает, что читает стихотворение, изменится голос, изменится поза, изменится то, как он произносит слова, изменится вдумчивость, с которой он читает текст. Теперь спросите себя, когда в последний раз на богослужении я слышал, как псалом читается с той же тщательностью, с какой я слышал, как доктор Патнэм читал: «Что такое тяжелая, тяжелая вода?» Когда в последний раз я читал псалом или какое-либо библейское стихотворение с той же вдумчивостью, с какой я мог бы прочитать «Остановка в лесу снежным

вечером» Роберта Фроста? Я не пытаюсь заставить тебя чувствовать себя виноватым.

Это не цель. Вместо этого, если эти вещи действительно являются стихами, нам нужно снова научиться думать на языке поэзии, чтобы мы могли их оценить, потому что оценка стихотворения является частью его понимания.

Это был доктор Фред Патнэм на своей второй из четырех лекций по книге Псалмов.